ему неких от своих, иже и острова положение и естества мест им покажут, и аще их требуют на брани, да пособят им. Маутынскии же игемон, наших приити ожидая, аки три тысуща от своих, на поле изведе. И Маггелан своих не со многими стенобитными сосуды на брезе постави, иже аще и много менша супостатных числом себе ведаше, — обаче дерзну бранию с ними сразитися, нежели отступити, — и субуфстяном показа не на брань их с собою, но к зрению своих товарищ храбръства и яже на брани твердости привести. И сице убо нахождению бывшу на супостаты брань крепкаа от обою бысть. Но заеже супостати числом превъсхождаху наших, убъен убо бысть сам Маггелан. Прочии же, аще и не суть явствене оделени быша, падшу обаче воеводе, назад ступати начаша, их же супостати отступающих от брани гонити вслед не дерзнуша.

Конечне възвратишяся испании в Субуф, погубивше своего воеводу Маггелана и иных седми товарищ. И тамо новаго корабленачялника избирают Ивана Серана,[26] мужа неудоб небрегома, иже абие преже бывшая завещания к Субфскому игемону вторыми дары обновил есть и маутанскаго игемона покорити ему обещавается. Но не на добро събышяся ему обещанная. Имеаше бо Маггелан раба некоего от Молукитцких остров род влекуща, иже испанскии язык невозбранно толковаше. Сеи убо Маггеланов раб бысть на брани маутанстеи и малы некиа язвы в неи прият, отнюдь уже всегда упраздняшеся в навыкании бранных. Серан же, иже без него ничто же деиствовати можше, запрети человеку жесточаишими глаголы и тягчаишее иго работы подъяти и лютеишее биение, аще не прилежнеише налагаемая ему служения исправит. Раб убо от глагол сих || велию ненависть к нашим имети начя, съкрыв обаче гнев. По неких днех приступает к субуфскому игемону и сказует ему, несытну быти испанскому сребролюбию, и сие им в разуме быти, даже одолену бывшу маутанскому игемону, на него по сих встанут и пленника отведут. Верит вся сиа варвар и мир с маутанским игемоном и с прочими местоначялники отаи творит, и на пагубу наших съвещевают. Призывается на многоценный пир корабленачялник Серан и прочии преимеющи числом 26. Сии вси, ничто же зло сумневшеся, без соблюдения и спроста и аки с игемоном обедати хотяще, на землю излезошя. Вънегда же обедати, нападают на них, иже от варвар учинени бывшя улавляти, взяся кличь отвсюду и в корабли възвестися наших пагуба и яко весь остров во вражду возгореся. И от корабль зрят наши честныи крест, его же на древе поставиша, на земли от варвар с неистовством повержена и на дробне разсечена. Оставше иже ся на кораблех испании, товарищ пагубу услышавше, и болшиа наветы чаавше, якори взяша и ветрила скорее ветром отверзоша. По мале же и Серана на брезе окаанеи связана приведоша варвари, иже и с слезами моляше своих, да его от лютаго пленения избавят. Наши же, аще и срамно умышляху своего начялника сице оставити, но льсти и навет боящеся, ветрила простерше, елика мощно бежаху, оставльше Серана на брезе зле слезы проливающа и от своих помощи не имуща.

Л. 26

Испани же, воевод и товарищ погубивше, скорбяще и сетующе, корабли плаваху, не токмо о беде и товарищь пагубе смущени, но яко в толь малеише число доидошя, яко не довле||ти им три корабли управляти. И приплывают к ближнему острову, ему же Кохоль[27] нарицание бысть, иде же общым советом третии корабль огню предашя, и яже в нем потребная в иных два пренесше.

Л 26 об

Та же оттуду к острову Гибеф[28] приплуша, его же аще и златом и инбиром и иными некоими многими богатеюща разумешя, но долго на нем пребывати неполезно разсудиша, заеже тамошних индов ни единым благоумием мощи привести, но ниже оружии мали бо зело осташя.